

М. А. Горький, В.Я. Брыусов

Сборник латышской литературы

УДК 93
ББК 63.3
Г71

Г71 **Горький М.**
Сборник латышской литературы / М. А. Горький, В.Я. Брыусов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 399 с.

ISBN 978-5-517-99153-9

Издательство «Парус» было создано А.М. Горьким совместно с А.Н.Тихоновым и И.П.Ладыжниковым в 1915 г. как антивоенный (шла Первая мировая война) издательский проект.

ISBN 978-5-517-99153-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛАТЫШСКОЕ ОБЩЕСТВЕННО- КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТІЕ И ЛА- ТЫШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Исторія латышскаго народа — исторія его порабощенія, исторія гнета и произвола крѣпостной зависимости, постепеннаго разлюженія крѣпостного права и борьбы латышскаго крестьянства за свое экономическое и политическое освобожденіе. Начиная съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, борьба эта ведется подъ знаменемъ національной идеи противъ привилегированнаго нѣмецкаго баронства и нѣмецкаго бюргерства, пока при быстромъ развитіи капитализма не совершается процессъ рѣзкаго классоваго разлюенія въ самой латышской массѣ и — въ періодъ 90-хъ годовъ — національные конфликты и національныя стремленія не смѣняются острой и упорной классовой борьбой.

Латышская народная поэзія — памятникъ коллективнаго народнаго творчества въ крѣпостномъ періодѣ — ярко свидѣтельствуетъ о художественной одаренности латышскаго народа. Тяжелое и долгое крѣпостное рабство не убило духовной энергіи народа, и со времени паденія крѣпостного права мы наблюдаемъ быстрый ростъ общаго культурнаго уровня латышскаго народа. Исторія латышской литературы отражаетъ и выражаетъ процессъ духовнаго раскрыщенія латышскаго народа, ростъ его національнаго и культурнаго самосознанія, настроенія и идеалы его социальныхъ группировокъ. Несмотря на крайне трудныя условія, въ которыхъ пришлось развиваться латышской литературѣ, на невѣроятныя цензурныя притѣсненія, на провинціальную замкнутость и общую отсталость отъ европейской мысли, — латышская литература въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ стремительно двинулась впередъ и являла картину многосбыщающаго расцвѣта. Латышская литература пришла уже въ соприкосновеніе съ вліяніемъ западно-европейской и русской литературы, она переросла рамки этнографическаго разсказа, и, кромѣ богатой лирики, мы встрѣчаемъ въ ней зачатки новой драмы и социального романа. Латышская литература смѣло можетъ выдержать сопоставленіе съ литературами молодыхъ европей-

скихъ народовъ (напрямѣръ, съ финской, сербской, ченской и др.), которые также въ прошломъ столѣтїи пробудились къ самостоятельной культурной жизни и творчеству.

I.

Завоеваніе и колонизація Прибалтійскаго края нѣмецкими рыцарями-крестоносцами начались въ XIII столѣтїи. Мѣстное населеніе подпадаетъ подъ владычество пришлыхъ завоевателей, и въ краѣ съ теченіемъ времени образовался и установился тотъ прочный феодальный порядокъ, какой господствовалъ тогда въ Западной Европѣ. Вначалѣ мѣстное населеніе обязано было вассаламъ рыцарскаго ордена и католической церкви платить извѣстныя подати, исполнять нѣкоторыя повинности и подчиняться суду своихъ владыкъ, но постепенно крестьяне переходятъ въ крѣпостную зависимость и въ XV столѣтїи являются уже прикрѣпленными къ землѣ. Постоянные кровавые раздоры между орденомъ, епископствомъ и городами могли только ухудшить положеніе крѣпостныхъ, и реформація, нисколько не коснувшись латышскихъ и эстонскихъ крестьянъ, еще болѣе усилила власть и могущество феодаловъ-помѣщиковъ.

Въ среднїи XVI столѣтїя нагрянула кровавая Ливонская война, и подъ натискомъ Московской Руси распалось своеобразное церковно-рыцарское государство Ливонїи. Ревель и Эстляндія отошли къ Швеціи, часть ливонскихъ земель взяла Данія, Лифляндія подчинилась Польшѣ, Курляндія была присоединена какъ вассальное герцогство. Важно отмѣтить, что, отдаваясь подъ власть Польши (въ 1561 году), мѣстное дворянство выговорило себѣ исключительныя права и привилегїи, извѣстныя подъ названіемъ «привилегїи Сигизмунда Августа», которыя окончательно утвердили прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ*.

Въ войнѣ 1600—1621 годовъ Швеція шокорила Лифляндію, около ста лѣтъ провинція эта находилась подъ шведскимъ режимомъ. «Шведскія времена» считаются относительно самымъ мягкимъ періодомъ въ исторїи латышскаго крестьянства, такъ какъ, по разнымъ политическимъ и экономическимъ причинамъ, шведская корона, вступивъ въ борьбу съ лифляндскимъ дворянствомъ, старалась урѣзать его привилегированное господство и облегчить участь подневольнаго крѣпостнаго населенія. Была произведена опись и оцѣнка крестьянскаго землевладѣнія и опредѣлено количество повинностей и податей каждаго крестьянскаго участка; было отнято (въ 1632 году) у помѣщиковъ право уголовного судопроизводства, право жизни и смерти надъ имъ подвластными крестьянами и т. д. Несмотря на нѣкоторыя облегченія, крѣпостное право не было отмѣнено, и народная масса попрежнему осталась подъ тяжелой властью своихъ господъ.

Начало XVIII столѣтїя въ исторїи Прибалтійскаго края ознамено-

---

* Подлинность этого историческаго документа оспаривается, но онъ правильно выражаетъ всю сумму присвоенныхъ тогда дворянамъ правъ.

вано кровопролитной и опустошительной Сѣверной войной (1700—1721 годы). Послѣ взятія Риги (въ 1710 году) русскій фельдмаршалъ Шереметевъ, съ согласія Петра I, подписалъ условія капитуляціи, представленныя ливонскимъ дворянствомъ и бюргерствомъ гор. Риги. «Аккордные пункты» возстановили всѣ привилегіи дворянства и отдали мѣстное крестьянское населеніе подъ неограниченную власть помѣщиковъ. Съ присоединеніемъ Ливоніи къ Россіи крѣпостное право развилось до своихъ крайнихъ предѣловъ и въ столѣтіе гуманистовъ и философовъ превратилось въ настоящее рабство. Нигдѣ въ Европѣ крѣпостное право не приняло такой ужасающей и жестокой формы, какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, нигдѣ не царствовалъ такой неограниченный произволъ и гнетъ феодальныхъ помѣщиковъ, какъ въ латифундіяхъ остзейскихъ бароновъ! Но наконецъ истошилось и безграничное терпѣніе порабощеннаго населенія: начались крестьянскіе бунты, которые, въ концѣ концовъ, заставили и русское правительство, неизмѣнно благосклонное къ прибалтійскимъ феодаламъ, вмѣшаться въ ихъ домашнія дѣла. Отмѣна крѣпостного права въ остзейскихъ провинціяхъ отнынѣ не снимается съ порядка дня исторіи. Вся эпоха съ конца XVIII вѣка до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія знаменуетъ собою медленное разложеніе крѣпостного права, при чемъ этотъ процессъ шель крайне туго и тяжело, пока* наконецъ мѣстное крестьянское населеніе не добилось нѣкоторой экономической самостоятельности и правового положенія. Но остатки прежняго феодальнаго могущества балтійскихъ бароновъ были настолько еще прочны и крѣпки, что ихъ окончательно не уничтожили даже событія 1905 года...

Итакъ, передъ нашими глазами — исторія крѣпостного рабства, продолжающагося непрерывно въ теченіе *семи столѣтій*. Война за войной растапывала Прибалтійскій край, смѣнялись верховные властители края, но неизмѣнно остались тѣ же привилегированные помѣщики-угнетатели и то же безправное угнетенное населеніе, тѣ же ужасы и бѣдствія крѣпостной эпохи, та же тяжелая барщина, розги, издѣвательства. Крѣпостное право въ Прибалтійскомъ краѣ приняло чрезмѣрно жестокой характеръ еще потому, что классъ дворянъ-помѣщиковъ, забравшій въ свои руки всю экономическую и политическую власть, принадлежалъ и принадлежитъ къ чужой національности. Преніе ливонскіе рыцари и теперешніе остзейскіе бароны смотрѣли на коренное мѣстное населеніе, на «ненѣмцевъ» (Undeutsche), какъ на низшую расу, и были вполне убѣждены, что эти «ненѣмцы» самимъ Господомъ Богомъ созданы для вѣчнаго рабства и подчиненія*.

Вѣковой періодъ крѣпостной зависимости не могъ не искалѣчить и изранить народной психики, не могъ не наложить своего отпечатка на

* Когда въ концѣ XVIII столѣтія сталъ подниматься вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного рабства, то остзейскіе феодалы выдвинули свою оригинальную теорію, что латыши будто бы происходятъ отъ Богомъ проклятыхъ языческихъ племенъ Стараго Завѣта и что поэтому имъ прирожденъ „духъ рабства“...

народный характер. Исторія сдѣлала изъ латышскаго крестьянина уюрнаго, выносливаго труженника, но она наградила его рабскою психикой и рабскими добродѣтелями — покорностью, податливостью и угодливостью передъ сильными и власть имущими. Эти черты мы встрѣчаемъ на всемъ протяженіи латышской общественной и культурной исторіи вплоть до революціоннаго періода, когда новый классъ — промышленный пролетаріатъ — своею героической борьбой выпрямляетъ придавленную народную психику.

Тяжелое наслѣдіе вѣкового рабства отразилось, конечно, и на характерѣ латышской народной литературы: не говоря уже о содержаніи латышской словесности въ каждомъ данномъ періодѣ, пережитое историческое прошлое сказывается во всемъ меланхоличномъ настроеніи народной поэзіи и даже въ самой формѣ художественной воспріимчивости. Въ латышской литературѣ — за исключеніемъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій — главнымъ мотивомъ является не борьба, а покорность судьбѣ, не стремленіе къ лучшему будущему, а — рядомъ съ практическимъ устраиваніемъ родного уголка — сантиментальная мечтательность, не яркія, смѣлыя чувства протеста, а въ лучшемъ случаѣ созерцательная грусть. Все богатство латышской литературы — въ ея *лирицизмѣ*; писать о латышской литературѣ — значитъ писать о латышской лирицизмѣ. Но чрезмѣрный лирицизмъ всегда является поэтическимъ знаменателемъ пассивныхъ натуръ и пассивныхъ эпохъ, а именно этотъ льющійся черезъ край лирицизмъ характеризуетъ всю латышскую поэзію вплоть до повѣйшаго времени.

Настоящимъ памятникомъ крѣпостнаго періода нужно считать латышскія *народныя пѣсни*. Историческая судьба народа, его трудовой бытъ, вѣковыя страданія и минутныя радости, — все это нашло свое выраженіе въ народной пѣснѣ. Въ пѣснѣ крѣпостной народъ изливалъ свое переполненное горемъ, набольвшее сердце, свои думы и мечты; пѣсня смягчала его долю и скрапывала его бѣдную, суровую жизнь; пѣсня своимъ ритмомъ облегчала его безпрестанный трудъ, — и поэтому народная пѣсня провожала крѣпостнаго латыша отъ колыбели до могилы. У латышей нѣтъ своихъ сказочныхъ народныхъ героевъ, своего цикла эпическихъ былинъ и сказаній, но сотни и тысячи четверостишіи народной лирики раскрываютъ передъ нами до самой глубины пережитую эпоху и развертываютъ въ широкой картинѣ трудовой бытъ латышскаго народа. Латышскія народныя пѣсни — это своего рода историческая эпопея народной жизни и народного труда.

Народная пѣсня всегда ясна, цѣльна и свѣжа, какъ росой покрытый, нетронутый лугъ; она поражаетъ насъ не только наивной задушевной простотой, мѣткой образностью, ритмической стройностью, но и своей поэтической красотой и интимной нѣжностью. Кажется какимъ-то непопятнымъ чудомъ, какъ при дикомъ, грубомъ варварствѣ крѣпостнаго рабства народъ могъ сохранить свое поэтическое дарованіе и вложить въ пѣсню столько чуткости и отзывчивости, столько художественнаго созерцанія жизни и природы!

Народная пѣсня является продуктомъ коллективнаго творчества: она рождается за работой, облегчая однообразную тяжесть труда, и даетъ выходъ накопившимся чувствамъ и думамъ. Она обнимаетъ всю жизнь крѣпостного латыша, связана съ различными семейными празднествами и обрядами, поется парнями и дѣвушками въ пору любви, ею провожаютъ и на погостъ. Главнымъ мотивомъ латышской народной поэзіи — какъ мы уже отмѣтили — является суровая трудовая доля народа. Центръ, властвующій надъ всей народной жизнью, феодальное имѣніе — «мыза», — съ его богатствомъ и могуществомъ, съ его строгими барами и господами. Туда обращены взоры изнывающаго въ тяжелой работѣ народа, туда въ безсильной злобѣ несутся его стоны и проклятія. «Кто это», спрашиваетъ народная пѣсня, «поетъ безъ солнышка вечеромъ? Это — все сироты, отбывающія барщину строгихъ господъ». А въ другой пѣснѣ умоляютъ солнышко, чтобы оно скорѣе зашло, такъ какъ «строгіе господа» не позволяютъ кончать работу до заката солнца. Вмѣстѣ съ грустными крѣпостными пѣснями поются еще и, такъ называемыя, сиротскія, — въ положеніи сироты народъ видѣлъ олицетвореніе своей судьбы.

Съ латышской народной пѣсней вступила въ борьбу духовная литература, особенно съ конца XVIII столѣтія. Просвѣщеннымъ пасторамъ того времени народные обряды, народныя сказанія и пѣсни казались языческимъ суевѣріемъ и варварскимъ пережиткомъ. Стараются вырывать дикіе полевые цвѣтки народной поэзіи и на ихъ мѣстѣ посадить полезныя растенія христіанско-педагогической письменности, но этотъ опытъ вначалѣ не приноситъ особеннаго успѣха, — корни народной пѣсни остаются нетронутыми, и пасторская литература мало проникаетъ въ народную среду. Серьезная опасность угрожаетъ народной пѣснѣ только тогда, когда сами народныя массы захвачены религіознымъ сектанствомъ (напримѣръ, гернгутерствомъ * въ первой половинѣ прошлаго столѣтія), когда наивное, жизнерадостное міросозерцаніе народа рушится передъ христіанскими молитвами и самобичеваніями проповѣдниковъ, вышедшихъ изъ самого народа. Но народная пѣсня все еще уцѣлѣла рядомъ съ унылымъ пѣснопѣніемъ «молитвенныхъ домовъ», такъ какъ не измѣнилась та социальна-историческая почва, которая вырастила пѣсню, а именно — крѣпостная барщина. Народная поэзія замираетъ только тогда, когда прежній бытъ крѣпостного труда уступаетъ мѣсто новымъ хозяйственнымъ отношеніямъ, когда на мѣстѣ примитивной замкнутости возникаетъ новый міръ съ новыми интересами, съ новыми умственными запросами. Окончательный ударъ народной пѣснѣ наноситъ капиталистическая современность и въ крестьянскомъ хозяйствѣ: вмѣсто прялки, ручного жернова и цѣловъ появляются сельскохозяйственныя машины; народныя напѣвы и мелодіи изгоняются вальсами и польками.

* Послѣдователи Цинцендорфа, основателя братской общины Гернгутъ, особенно были распространены въ Лифляндіи.

Первымъ обратилъ вниманіе на латышскую народную пѣсно великій нѣмецкій гуманистъ Гердеръ (нѣсколько четверостишіи приведены въ его «*Stimmen der Völker in Liedern*»). Послѣ него, уже въ XIX столѣтіи различные прибалтійскіе пасторы, занимаясь изученіемъ латышскаго языка, начинаютъ попутно собирать образцы народнаго творчества. Громадная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ знатоку латышскаго языка и латышской старины Августу Биленштейну. Но собраніе латышскихъ народныхъ пѣсень, сказокъ и пр. только тогда переходитъ въ надежныя руки, когда — при пробужденіи латышскаго національнаго самосознанія — оно становится своего рода національнымъ дѣломъ, когда каждому сознательному патріоту вмѣняется въ обязанность спасти отъ забвенія духовныя драгоцѣнности народа. Главнымъ инициаторомъ по собранію латышскихъ народныхъ пѣсень и вообще латышскаго фолклора является Трейландъ-Бривземнекъ. Имя Лерхисъ-Пушкайтиса связано съ изданіемъ латышскихъ басенъ и сказокъ (всего собрано имъ около 6 000), но громадное дѣло собранія латышскихъ народныхъ пѣсень выполнено и доведено до конца Христіаномъ Барономъ. Латышскія народныя пѣсни въ 6 объемистыхъ томахъ изданы теперь Императорской Академіей Наукъ (последній томъ вышелъ изъ печати осенью 1915 года); число собранныхъ пѣсень, въ общемъ, превышаетъ 210 000 (изъ нихъ основныхъ текстовъ 35 790, остальные — варианты) изъ 400 различныхъ мѣстностей Латышскаго края. Тридцать лѣтъ своей жизни провелъ Хр. Баронъ шадъ трудомъ, собирая, рассматривая и раскладывая громадный матеріалъ съ терпѣніемъ и искусствомъ стариннаго мастера, пока наконецъ не была создана изъ отдѣльныхъ драгоцѣнныхъ камней великолѣпная картина латышской народной поэзіи. Это поистинѣ памятникъ порукотворный народной лирики.

* * *

Начатки латышской письменности относятся къ первымъ десятилѣтіямъ XVI столѣтія («Отче нашъ» Симона Грунау и переводъ десяти заповѣдей Ник. Рамма). Первая книга на латышскомъ языкѣ — переводъ, такъ называемаго, маленькаго катехизиса Лютера — появляется въ 1586 году подъ названіемъ «*Enchiridion*», потомъ послѣдовалъ латышскій псалтырь («*Undeutsche Psalmen*») въ 1587 году. Принципы лютеранскаго вѣроисповѣданія требовалъ, чтобы богослуженіе совершалось на народномъ языкѣ, и цѣль этихъ изданій — спасти «бѣдныхъ темныхъ нечѣмцевъ» (*arme, einfältige Undeutsche*) отъ «идолопоклонства, суевѣрія, колдовства и прочихъ грѣховъ». Пропаганда лютеранства появляется какъ разъ въ эпоху полнаго закрѣпощенія крестьянской массы, она, по-своему, должна служить интересамъ крѣпостного права и налагать узду на строптивыя умы темнаго, забитаго населенія. Что можетъ быть характернѣе первой книги на латышскомъ языкѣ, гдѣ въ исповѣди тогдашняго крѣпостного латыша перечень его грѣховъ состоитъ въ томъ, что онъ недостаточно усердно служилъ своему госпо-

дну, что онъ разгнѣвалъ его своимъ непослушаніемъ и этимъ вводилъ его въ сквернословіе, что онъ ропталъ противъ своей госпожи и т. д. * Таково было евангельское ученіе, какое тогдашняя церковь несла народу.

Послѣ распада Ливонскаго ордена церковь въ Прибалтійскомъ краѣ играетъ роль прислужницы феодаловъ. Это и не могло быть иначе, такъ какъ приходскихъ пасторовъ по своему усмотрѣнію и выбору назначалъ самъ баронъ-помѣщикъ (право патроната съ нѣкоторыми ограниченіями сохранились еще до нашихъ дней) **. Отнюдь не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что во время крѣпостного права пасторъ своими проповѣдями по воскресеньямъ продолжалъ то же самое дѣло, какое по буднямъ исполнялъ мызный староста своей палкой. Вся духовная литература того времени, всѣ эти псалтыри и сборники проповѣдей, предназначенные для несчастныхъ «ненѣмцевъ», проникнуты строго крѣпостнической тенденціей, которая въ общераспространенномъ сборникѣ проповѣдей Банкава выражена въ слѣдующей краткой кнутабойной формулѣ: «Слушайся господина, слушайся госпожу, а если ты не будешь слушаться, то послушаніе будетъ написано тебѣ на спинѣ».

Конечно, были исключенія и среди тогдашнихъ духовныхъ пастырей: нашлись и среди нихъ люди, которыхъ влекла къ народу искренняя жалость и которые всѣми силами стремились поднимать нравственный и умственный уровень угнетенныхъ народныхъ массъ. Но и самые гуманные, самые просвѣщенные среди нихъ никакъ не могли освободиться отъ убѣжденій, что барщина и розга — необходимая вещь для латышскаго крестьянина и что коренное населеніе края на вѣки вѣковъ должно оставаться у сохи и трудиться на своихъ нѣмецкихъ господъ.

Первыя латышскія книги напечатаны прямо варварскимъ правописаніемъ, но потомъ нѣмецкій алфавитъ приспособляется къ звуковымъ явленіямъ латышскаго языка (надъ этимъ, главнымъ образомъ, потрудился Георгій Манцеліусъ въ началѣ XVII столѣтія). Устанавливается единый латышскій литературный языкъ, который постепенно очищается и освобождается отъ примѣсей германизмовъ. Краеугольнымъ камнемъ латышской письменности нужно считать переводъ Священнаго Писанія пасторомъ Эрнестомъ Глюкомъ (1652—1705 годы). Для перевода Библии на латышскій языкъ шведское правительство опредѣлило субсидію въ 7500 талеровъ, и весь громадный трудъ былъ законченъ въ теченіе 8 лѣтъ (1681—1689 годы). До Глюка и послѣ него мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ пасторовъ, любителей латышской духовной словесности, которые пишутъ, переводятъ и сочиняютъ различныя руководства церковной службы, псалтыри и сборники проповѣдей въ такомъ изобиліи, что къ концу XVIII столѣтія однихъ ду-

* Ср. Ad. Bezenberger, Litauische und Lettische Drucke des 16. Jahrhunderts, Göttingen, 1874.

** Всего десять лѣтъ назадъ однимъ лифляндскимъ юнкеромъ была произнесена характерная фраза: „Какъ стадо овецъ не должно знать, какую собаку я нанимаю для нихъ, такъ и латышскіе прихожане не имѣютъ права звать, какого пастора я имъ назначаю!“

ховныхъ псалмовъ набирается до 800 номеровъ *. Всѣ эти произведенія служатъ опредѣленнымъ религіозно-моральнымъ цѣлямъ крѣпостной эпохи для насажденія страха Божія среди «непѣмцевъ» и поэтому чужды всякихъ поэтическихъ и эстетическихъ цѣнностей, хотя среди пишущихъ пасторовъ изрѣдка попадаются и люди съ несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ (напримѣръ, Фюрекеръ въ началѣ XVII вѣка).

Латышская свѣтская литература беретъ свое начало отъ *Готгарда Стендера* (1714—1796 годы). Стендеръ — своеобразная фигура лютеранскаго рационалиста: онъ искренно преданъ дѣлу народнаго просвѣщенія и всю жизнь съ необычайной энергіей и трудолюбивостью работаетъ надъ созданіемъ литературы для латышскаго народа. Кромѣ неизбѣжныхъ псалмовъ и библейскихъ разсказовъ, онъ составилъ латышскую грамматику и первый обширный латышскій словарь. Онъ первый изъ нѣмецкихъ пасторовъ рѣшился познакомиться крѣпостнаго латыша съ началами географіи и космографіи, при чемъ эти свѣдѣнія должны служить «вѣщшему прославленію Всевышняго». Стендеръ, протестантскій рационалистъ по своимъ взглядамъ и по своему складу ума, вступаетъ въ борьбу съ народной поэзіей, съ «грубыми пѣснями» (*rohe Lieder*) народа, и старается создавать имъ противовѣсъ въ видѣ то высокопарныхъ одъ и чувствительныхъ пасторалей, то правоучительныхъ басенъ и виршей. Стендеръ, безспорно, самая крупная личность пасторскаго періода латышской литературы, онъ отъ всей души желаетъ помочь народу, но по своимъ убѣжденіямъ онъ все-таки остается крѣпостникомъ, и крѣпостныя отношенія для него — незыблемый, Богомъ установленный порядокъ.

Вліяніе Стендера было громадно; онъ создаетъ цѣлую литературную школу. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на отдѣльныхъ представителяхъ, среди которыхъ были люди или совершенно бездарные, или обладающіе весьма умѣреннымъ литературнымъ талантомъ. По-своему они много заботились о распространеніи грамотности, объ искорененіи пѣвѣжества, пьянства и т. д., о преподаваніи различныхъ практическихъ совѣтовъ **, но въ одномъ сходятся они всѣ: въ признаніи существоващаго феодальнаго порядка вещей. Для этой цѣли пишутся религіозные трактаты, издаются календари, переводятся и составляются всякія душеспасительныя книжки, которыя должны удовлетворять умственный голодъ народа. Въ тяжелые годы барщины, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, народъ вынужденъ былъ питаться хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ плевелами, — предназначенная для него духовная

* Уже въ концѣ XVIII столѣтія пасторъ Яннау жаловался, что для крѣпостныхъ латышей безпрестанно печатаютъ всякія духовныя книжки и велѣнія «закона Божія», но что никто не рѣшается собрать и издать на латышскомъ языкѣ законоположенія, относящіяся къ правовому положенію латышскихъ крестьянъ.

** Отмѣтимъ здѣсь, что первое оригинальное драматическое произведеніе на латышскомъ языкѣ (написанное пасторомъ Эльверфельдомъ) посвящено вопросу о пользѣ оспопрививанія.

лица состояла изъ такихъ же плевель! Сперва латышская письменность всецѣло была дѣломъ нѣмецкихъ пасторевъ, но постепенно начинаютъ имъ помогать отдѣльные сельскіе учителя и пономари, вышедшіе изъ народа. Эти люди съ чрезвычайно скуднымъ образованіемъ, но съ похвальнымъ послушаніемъ и прилежаніемъ, по примѣру своихъ наставниковъ берутся за перо, и количество жалкой, убогой литературы для народа растетъ съ каждымъ годомъ.

Пасторскій періодъ латышской литературы уже покрытъ пылью забвенія, но онъ — какъ рубцы крѣпостныхъ розогъ — оставилъ чрезвычайно глубокой слѣдъ въ умственной и нравственной жизни народа. Эта литература, — какъ мы уже указали, — устрашая народъ грозными карами, утѣшала его загробнымъ блаженствомъ, воспитывала его въ духъ рабскаго подчиненія и послушанія, сознательно содѣйствовала его духовному приниженію и закрѣпощенію. Пасторская литература создала тотъ прочный пластъ лютеранской церковной догмы и крѣпостнически-патріархальной морали, который надолго подавлялъ всякое свободное, самостоятельное стремленіе въ жизни народа; она окружала ореоломъ святости существующій порядокъ вещей и клеймила, какъ грѣшниковъ и преступниковъ, всѣхъ, кто осмѣлился нарушить нормы этого порядка; она восхваляла терпѣніе, смиреніе и трудолюбіе крестьянъ и съ священнымъ ужасомъ отрицала всякую борьбу за лучшее будущее, всякій протестъ противъ униженія человѣческой личности. Крѣпостническая идеологія сохранила свою власть еще долго и тогда, когда уже были расшатаны основы патріархально-крѣпостническаго крестьянскаго быта: жизнь проложила себѣ новое русло, но умы все еще были опутаны крѣпкими реакціонно-клерикальными традиціями. Затхлая атмосфера крѣпостной крестьянской избы господствуетъ въ латышской литературѣ вплоть до второй половины прошлаго столѣтія, и ту же убогую косность мысли и рабскую прописную мораль мы встрѣчаемъ еще у нѣкоторыхъ писателей національно-буржуазнаго періода. Если латышскіе писатели новѣйшей эпохи уже освободились изъ узкаго круга консервативныхъ, патріархальныхъ традицій и представленій, то въ дряблости и безвоіи выведенныхъ ими типовъ, въ отсутствіи смѣлыхъ, сильныхъ чувствъ и мыслей, въ лирической расплывчатости и въ общей безцвѣтности и посредственности самыхъ литературныхъ произведеній все еще чувствуется тяжелое духовное наслѣдіе крѣпостного прошлаго.

II.

Среди благообразныхъ, строгихъ лютеранскихъ пасторовъ, убѣжденных защитниковъ крѣпостнаго права, въ концѣ XVIII вѣка рѣзко выдѣляется беспокойная, протестующая личность *Гарлиба Меркеля* (1769—1850 годы).

Великія гуманныя идеи французской революціи проникли въ

феодалную глушь Прибалтійскаго края, и здѣсь ихъ страстнымъ поборникомъ явился Меркель, сынъ лифляндскаго пастора, за «вольнодумство» отрѣшеннаго отъ духовнаго сана. Воспитанный на сочиненіяхъ Руссо, Вольтера и другихъ французскихъ энциклопедистовъ, молодой домашній учитель начинаетъ съ пегодующей критикой относиться къ окружающей его крѣпостной дѣйствительности, и у него созрѣваетъ планъ выступить съ безпощаднымъ обличеніемъ крѣпостнаго варварства. Меркель отправляется въ Германію, и въ 1797 году въ Лейпцигѣ появляется въ печати его знаменитая книга: «Die Letten vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts» (Латыши, преимущественно въ Лифляндіи, на исходѣ философскаго вѣка). Памфлетъ Меркеля обратилъ на себя всеобщее вниманіе и вызвалъ такой же переполохъ среди крѣпостниковъ Прибалтійскаго края *, какой вызвала книга Радищева среди русскихъ крѣпостниковъ. Года черезъ два Меркель выступилъ съ новой книгой «Die Vorzeit Lieflands» (Древняя исторія Ливоніи), съ историческимъ обвинительнымъ актомъ противъ «рыцарскаго и поповскаго духа» прославленной ливонской старинны. Потомъ въ 1802 году послѣдовала его сантиментальная поэтическая фантазія «Vannem Yshanta», гдѣ онъ воспѣваетъ благородство коренныхъ жителей края и коварство пришлыхъ нѣмецкихъ завоевателей.

Свой походъ противъ крѣпостнаго рабства Меркель, какъ истинный сынъ вѣка, предпринимаетъ во имя разума, во имя правъ человѣка. Силою таланта и искреннимъ чувствомъ возмущенія дышатъ страницы его сочиненій, гдѣ онъ рисуетъ ужасное безправное положеніе крѣпостныхъ латышей и взываетъ къ достоинству и свободѣ человѣческой личности. Меркель обращается къ «мудрости и благородству» русскихъ монарховъ, онъ пытается увѣщать тѣхъ немногихъ представителей лифляндскаго дворянства, въ которыхъ еще не умерла человѣческая совѣсть, но при этомъ онъ вынужденъ неоднократно указывать, что невыносимая тяжесть существующихъ крѣпостныхъ отношеній рано или поздно приведетъ къ революціонному взрыву, къ возстанію народныхъ массъ. Его книга «Латыши» кончается пророческимъ призывомъ: «Я не берусь предсказывать, какого рода катастрофой разрѣшится судьба латышей. Я кладу свой трудъ передъ глазами человѣчества какъ обвинительный матеріалъ въ томъ страшномъ судебномъ процессѣ, какой будетъ рано или поздно пачать будущію противъ угнетателей моей родины. Будущію пусть судитъ и вынесетъ приговоръ! Ея приговоръ будетъ страшенъ и скоръ!». Пророчество это сбылось только черезъ сто лѣтъ, въ 1905 году.

Въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ Меркель цѣлкомъ принимаетъ ученіе Руссо о блаженномъ, счастливомъ состояніи человѣчества въ доисторическій періодъ, когда люди еще не испорчены сомнитель-

* Самое убійственное обвиненіе, какое прибалтійскіе феодалы рѣшились бросить въ лицо Меркелю, это предположеніе, что онъ, вѣроятно, и самъ латышь! „Von den Letten kamst du, Lette“, шипѣли они въ своихъ памфлетахъ. Ср. „Paradiesgärtlein für Garlieb Merkel“, Köln, 1806.